

М. Н. СПЕРАНСКИЙ

Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков

Взятие Константинополя турками в 1453 году и падение Византийской империи поразили умы современников. Вполне понятен интерес к этим событиям на Руси, где в это время происходил процесс образования централизованного русского государства.

Первые отклики на взятие Константинополя появляются в документах и кратких летописных сказаниях на основе устных рассказов по живым следам событий. Эти известия до сих пор не были предметом специального внимания исследователей.

В первой трети XVI века одно за другим распространяются в русской письменности три произведения:

- 1) краткая повесть (перевод с греческого, 1508—1520 годы);
- 2) лирический плач (русское произведение, около 1512 года);
- 3) пространная повесть (русское произведение, не позже 1530-х годов).

Последняя стала особенно популярной на Руси: еще в XVI веке, вскоре после своего возникновения, она была известна в двух разных версиях: а) огромное количество списков в составе Хронографа первой редакции, деленного на главы — так называемая хронографическая повесть; б) единственный список с упоминанием в послесловии имени составителя — Нестора Искандера — так называемая искандеровская повесть.

Все три повести были изданы еще в прошлом столетии с более или менее обстоятельным историческим комментарием. В последние годы краткая характеристика первых двух произведений и более развернутый анализ пространной повести были сделаны С. К. Шамбинаго.¹

Вопрос же о взаимоотношении всех этих произведений (в том числе о тождестве или различии хронографической и искандеровской пространной повестей), их художественной специфике, историко-литературном значении оставался попрежнему невыясненным, несмотря на появление специальных исследований.²

¹ История русской литературы, т. II, ч. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 222—225. Примером путаницы, возникавшей в результате необследованности данного вопроса, является безоговорочное отождествление хронографической и искандеровской повестей в данной статье С. К. Шамбинаго.

² Б. Унбегаун посвятил специальную статью древнерусским повестям о взятии Константинополя (*Les relations vieux russes de la prise de Constantinople. Revue des études slaves*, Paris, 1929, т. IX, стр. 13—38). Но он далеко не охватил всего материала (ему не известны, например, отголоски событий 1453 года в русских доку-

Для решения этого вопроса требовалось предварительно изучить и освоить огромный рукописный материал, преимущественно сборники исторического содержания, составленные в XVI—XVII столетиях.

Публикуемая работа покойного М. Н. Сперанского — итог многолетней работы автора над изучением повествовательного материала в сборниках постоянного состава, в первую очередь — в сборниках исторического содержания. Систематическое обследование сборников проводилось им преимущественно в Отделе рукописей Государственного Исторического музея, где он работал в 1921—1929 годах. Дополнительно им были привлечены десятки рукописей из собраний Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотеки Академии Наук СССР, а также некоторых зарубежных архивов (например, б. Музея королевства Чешского в Праге). М. Н. Сперанский собирал материал для своей монографии в течение долгих лет и завершил ее зимой 1936/37 года. Заключение помечено им датой „18 февраля 1937 года“.

Такое широкое изучение рукописной традиции повестей о взятии Царьграда еще никогда не производилось, причем многие произведения (отголоски событий 1453 года в документах и летописных сказаниях на основе устных источников, повести об этих событиях в „Степенной книге“, в Хронографе 1617 года, „Скифская история“ А. Лызлова, Густинская летопись, поздние переводные источники типа Хронографа Малаксы и „Хроники“ псевдо-Дорофея, наконец, печатное издание 1713 года и идущие от него рукописные тексты в сборниках XVIII века и т. п.) были привлечены исследователем впервые.

Изучение повестей в составе сборников позволило автору: 1) проследить процесс циклизации повестей об исторических судьбах Византии в русской письменности на рубеже XVI—XVII веков, 2) выявить состав наиболее типичных циклов и 3) показать взаимодействие повестей внутри циклов (эпизоды из сказания о построении св. Софии в Царьграде, вставки из сказаний И. С. Пересветова в списках хронографической повести в сборниках постоянного состава).

Этот новый подход к материалу дал возможность автору поставить на прочную основу вопрос о взаимоотношении произведений, о степени их распространения, историко-литературном значении и сделать наблюдения над эволюцией жанра исторической повести на протяжении двух столетий (от начала XVI до начала XVIII века).

Широкая популярность пространной повести о взятии Царьграда, как показал М. Н. Сперанский, обусловила обращение к ней как к литературному образцу ряда писателей XVI и XVII веков (автора „Истории

ментх XV века, ранние летописные записи на основе устных рассказов, повесть о взятии Царьграда в Хронографе 1617 года и т. п.), ограничился формальной и упрощенной генеалогией произведений, не обосновав ее текстологическим анализом. Вопросы об идейно-политическом освещении событий 1453 года в русской литературе XVI—XVIII веков, о развитии жанра исторической повести Б. Унбегауном не затронуты. Г. П. Бельченко (К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 507—513) поставил перед собой частную задачу — выделить в русской пространной повести то первоначальное зерно, которое можно приписать Нестору Искандеру. Исследователь не ставил в этой статье никаких общих историко-литературных проблем, в том числе не интересовался взаимоотношениями искандеровской и хронографической повестей. Оба исследования, как видно из вышеизложенного, не разрешают комплекса вопросов, возникающих при изучении русских повестей о взятии Царьграда, и требуют поэтому пересмотра, исправлений и дополнений.

о Казанском царстве“, Катыврева-Ростовского, Авраамия Палицына и др.). Особый интерес представляют наблюдения М. Н. Сперанского над отражением некоторых эпизодов и стиля пространной повести о взятии Царьграда в „Сказании“ А. Палицына.

Перечисленные несомненные достоинства исследования М. Н. Сперанского (широта изученного материала, новая постановка проблем) побудили Сектор древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР опубликовать его в „Трудах“, поручив подготовку к печати В. Д. Кузьминой.

Работа М. Н. Сперанского печатается с некоторыми сокращениями. Историкографический очерк снят потому, что со времени завершения монографии (1937 год) появились новые исследования, вследствие чего этот раздел устарел по материалу. Два раздела, посвященные „научным“ компиляциям конца XVII—начала XVIII века (Густинская летопись, „Скифская история“ А. Лызлова, печатное издание 1713 года) и поздним источникам истории Царьграда в русской письменности конца XVII века („Хроника“ псевдо-Дорофея, „Туркогредия“ Э. Малаксы в базельском печатном издании 1584 года, памфлет Паисия Лигарида „Хрисмологион“), изъяты потому, что они являются самостоятельным экскурсом из истории русской культуры рубежа XVII—XVIII веков (объем — 1½ печатных листа), теснее связанным с новым периодом ее развития, чем с предшествующим.

В настоящем томе „Трудов ОДРЛ“ издаются те разделы исследования М. Н. Сперанского, которые посвящены пространной повести о взятии Царьграда, в двух ее редакциях — искандеровской и хронографической. В томе XI будут напечатаны главы, рассматривающие летописные заметки о событии 1453 года, краткую повесть о взятии и лирический плач, вошедший в Хронограф редакции 1512 года, сказание о начале и построении Царьграда и разделы, связанные с дальнейшей судьбой пространной повести в рукописной традиции.

I

Повести и сказания о взятии Царьграда турками в 1453 году принадлежат к числу широко популярных исторических произведений в русской письменности XVI—XVII веков. На основе исторических событий XV века создается несколько произведений, которые известны в большом количестве списков и чаще всего входят в сборники постоянного состава.

Циклизация эпических произведений устной словесности имеет аналогию в XV—XVII веках в стремлении русских книжников объединить в одном комплексе исторические повести, имеющие общую тематику; происходит, например, объединение повестей о татарщине. Этот процесс легко проследить и в отношении повестей о взятии Царьграда.

Различные по времени и происхождению повести о Царьграде к XVII веку встречаются в рукописных текстах подряд идущими, как будто с целью представить историю Царьграда от его зарождения и до конца, т. е. до взятия его турками включительно. Такой комплекс повестей может быть прослежен по рукописному материалу.

Центром этого комплекса является пространная повесть о взятии Константинополя турками в 1453 году, которая входила обычно в состав русского Хронографа первой редакции, деленного на главы, и поздних летописных сводов. Поэтому повесть эта сохранилась в массе списков Хронографа этого типа, а кроме того, в сочетании с другими памят-

никами и отдельно. Но списков ее старше XVI века ни одного не известно, большинство же их относится к XVII и даже XVIII векам. Популярность повести засвидетельствована также и тем, что в начале XVIII века она была напечатана (Москва, 1713) в некоторой обработке с дополнениями о том же Царьграде из других источников, и издание это повторялось в течение всего XVIII века, переводилось на тогдашний русский литературный язык и в таком виде также не раз воспроизводилось. Кроме того, печатное издание 1713 и последующих годов переходило опять в рукописные копии в том же XVIII веке. На популярность этой повести указывает, конечно, и то, что она сама в течение веков изменялась, образуя ряд редакций и переделок, вступала в связь с другими повестями о Константинополе, каковы: лирический плач (памятник несомненно еще XVI века), так называемый „Ин перевод“ (т. е. иной рассказ о падении Царьграда) и различные сказания, независимые от хронографической повести, помещавшиеся в летописях и восходящие по времени к рассказам, близким к самому событию.

Причина такой популярности повестей и рассказов о падении Константинополя в русской письменности, а также отчасти и в югославянских литературах, едва ли нуждается в особом объяснении: нам хорошо известно значение и роль Византии на протяжении всей эпохи феодализма, как для Руси, так и для югославянских стран, известно значение и такого мирового события, каким было падение тысячелетнего греческого государства. Недаром Константинополь сыграл значительную роль в церковной и государственной идеологии XVI и XVII веков, а „восточный“ вопрос в XVIII веке сопровождался усиленным распространением повестей о взятии Царьграда турками в рукописной и печатной литературе.

Центральное положение среди сказаний о падении Константинополя занимает пространная повесть, являющаяся наиболее обстоятельной и богатой из всех по содержанию. По своим чисто литературным достоинствам она должна занять выдающееся место среди русских повестей XV—XVI веков.

Начиная с Леонида, нашедшего и впервые издавшего по единственному известному тексту (Троицк. 773) послесловие пространной повести, большинство писавших об этой повести считались с этим послесловием, видя в нем ценный материал для представления о самой повести и ее авторе. Недоверчиво отнесся к этому послесловию А. И. Соболевский, отмечая, что оно противоречит данным самой повести. Тогда как „фактические данные повести показывают, что автор во время осады Царьграда находился в Царьграде“¹, из послесловия вытекает, что он находился в турецком лагере, среди осаждавших город, и „уловляя время дозрением и испытанием“, писал „в каждый день творимая деяния вне града от турков“, а войдя в город (после его взятия), испытал и собрал „от достоверных и великих мужей вся творимая деяния во граде противу безверных“ (слова послесловия). Обе повести (пространная и краткая), по мнению А. И. Соболевского, созданы членами русской колонии в Константинополе, захваченными там осадой и случайно уцелевшими. Но писали они эти повести, уже вернувшись на Русь.

Обратимся к выяснению соотношения сообщений о том, что совершалось в турецком лагере, с одной стороны, и о том, что происходило

¹ А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 13.

в самом городе, — с другой. Значительное большинство таких фактических данных падает естественно на долю происходившего в самом городе. Ведь главная тема повести — рассказ об осаде и взятии Царьграда, а не деяния осаждавших. Поэтому количеству сведений о том, что происходило собственно в турецком лагере, сравнительно невелико и они разбросаны в разных местах повести. Многие из них по своему характеру скорее всего могут восходить к непосредственно виденному или слышанному в турецком лагере. Сюда относятся: 1) заметка о том, что турки перед первым приступом бились „пременяющесе“¹ без прерыва день и ночь (446 и 8²); 2) „видев же безверный Магмет, яко не успе ничтоже [после первого неудачного приступа] паче своих погуби, и повеле магистрам прибавити пушки и пищали многие и стенобитныа козни готовити“³ (447 и 11); 3) такую подробность, как о двух больших пушках: „ихже ту сляша“ (448 и 12), следует отнести на долю наблюдателя, находящегося в турецком лагере; 4) то же надо сказать и об эпизоде с большой пушкой (у нее Зустуней выстрелом из своей пушки разбил „зелейник“ — казенную часть) и о впечатлении, произведенном этим эпизодом на Магомета⁴ (448 и 13); 5) дальнейшее: „Безбожный же трупиа людей своих не восхоте взяти, но помышляше их метати пороки в град, да сгниют и усмрадят град. Неции же в них [турок], добре знающе град, сказоваху ему величество града и пространство, и яко не коснется их смрад“⁵ (449 и 15) — также сообщение, идущее из турецкого лагеря; 6) сюда же следует отнести и рассказ о неудачном выстреле из большой пушки: „Паки безбожный повеле прикатити ону пушку велию, бе бо увязана обручи железными, чаяху укрепивше ю, и яко пустиша ю впервые, абие рассядеся на многиа части“, и несколько выше: „[Магомет] пушку ону великую паки повеле пределати того крепчае“ (449 и 15); 7) на взрыв подкопов, устроенных греками, „злонравный же Магмет с множеством своих издалече бяху смотря бывшего и помышляше, что створити“ (450 и 17); 8) „Магмет, многиа дни советовав, приложиса отступити от града во свояси, зане уже и морской путь приспе и чааху отовсюду помощи граду“ (450 и 17); 9) об изготовлении новой большой пушки: „сказаша океанному турку, яко пушка она велиа сляся добре, и тако соведаша еще поискусити ю“ (450 и 18); 10) греки уже думали, что турки отступили, „безбожный же Магмет не тако соведа, но по три дни собрав паши свои, санчякбеев, тако рече им: видим убо, яко гаурове охрабришася на нас, и тако бранящесе с нами, не можем их одолети“ (452 и 23);⁶ 11) Магомет, увидев тьму над городом („знамение“ второе), „созва книжник своих и моли и вопросы их: что есть сия тьма над градом? И рекоша ему: знамение велико есть и граду пагуба“ (457 и 34);

¹ Хотя, надо сказать, об этом могли догадываться и осажденные, которым в течение 13 дней приходилось бороться с постоянно свежими рядами турок.

² Все ссылки на страницы даются по изданию хронографической повести в ПСРА, т. XXII, СПб., 1911 (трехзначная цифра) и по изданию Искандеровской повести в Памятниках древней письменности и искусства, ОЛДП, вып. LXIV, СПб., 1886 (однозначная или двузначная цифра).

³ О распоряжении Магомета прежде всего должен был узнать человек, находившийся в стане турок, в городе же могли об этом догадываться только по усилившейся бомбардировке.

⁴ Магомет решил усилить приступ и отдать город на разграбление, воскликнув: „ягма! ягма!“ („сиречь: на разграбление града“, — поясняет повесть).

⁵ В результате трупы были взяты и сожжены.

⁶ Далее в речи Магомет приказывает изменить план приступов, решив направить нападение не только на разрушенное место стены, но одновременно на город со всех сторон.

12) „Магмет же окаанный, слышав восточного бегиларбеа убийство, плакаше о нем много, зело бо любляше его храбрости ради его и разума, и возъярився поиде сам своими враты со всеми силами, а на царя повеле навадиди пушки и пищали, боаша бо ся его, яко да не изыдет из града со всеми людми, нападет на них... а на царя посла три тысящи избранных и заповеда им, да улучат царя, аще и до смерти протражутъ, или да ис пищали убьют его“ (457 и 35); 13) „Магмет... рассылаше всю свою рать по всем улицам и по вратом царя бречи, а сам ся оста токмо с янычаны, обрывся во обозе и пушки и пищали уставив, боаше бо ся царя“ (457—458 и 36); 14) по улицам города идет ожесточенная борьба, „сензекбей же посла к салтану, глаголя: аще не сам внидеси в град, не одолен будеть град. Он же возыскание сотвори велие о цари и о царици и бояся в град внити и бысть в размышлении великом“ (458 и 38); 15) царь, жестоко избивая турок, возвратившихся в город, прогнал их обратно к пролому, „Магмет же, видев толкое падение своих и слыша цареву храбрость, тоа нощи не спа“ (456 и 33).

До некоторой степени подчеркивает происхождение этих сведений из турецкого лагеря и то, что турецкие слова (преимущественно, термины) встречаются как раз в большинстве случаев в приведенных местах текста. Видимо, сообщавший употреблял их как не чуждые для него и обычные в речи, которая слышалась в лагере. Остальные сведения, подчас очень детальные, повидимому, исходят от людей, переживших осаду и взятие города, или людей, вскоре после взятия города находившихся в нем. Во всяком случае, в фактической стороне повести мы имеем некоторое основание различать два источника сведений, неоднородных по происхождению: одни из записей делались *вне* города и *до* взятия его, другие — *в* городе и *после* его взятия. Поэтому сказанное в послесловии о процессе записей не возбуждает сомнения. Можно допустить правдивость автора послесловия также и в сообщении его, что сведения о происходившем внутри города во время осады (чего он, находясь, по его словам, во враждебном стане, видеть, разумеется, не мог) он собрал от „достоверных и великих мужей“. В числе пленных, взятых турками во время осады и после нее в городе, могли быть (и были) и лица, занимавшие видное положение среди греков. Это следует из сведений самой повести. Когда сензекбей сообщил султану о необходимости ему самому вступить в город, то Магомет, чтобы прекратить резню в городе, „позва боар и стратиг царевых, иже поимаше на боех и ихже паши взяша на свои руки“, и послал их в город уговаривать от его имени прекратить резню (458 и 38). Доверие к послесловию в этих случаях можно распространить и на другие его сообщения, если не на все. Изображаемый в послесловии автор повести, по словам послесловия, находясь сперва в турецком лагере, затем в городе, вел нечто вроде дневника осады („писах каждый день творимая“), а затем сделал извлечение из своих записок („вкратце изложих“), и так возникла повесть об осаде и взятии Константинополя, объединившая его записи обоих родов. Дает послесловие и биографические, правдивые сами по себе сведения об авторе записок и повести. Из этих сведений вытекает: автор был христианином, но в молодости был обращен в магометанство („измлада взят бив и обрезан“), долгое время участвовал в турецких военных предприятиях („много время пострадах в ратных хождениях“), вел записки о виденном и слышанном во время осады и по взятии Царьграда имел возможность передать свой труд, составленный по этим запискам, христианам, оставаясь

попрежнему магометанином, но тайно сочувствуя христианству и надеясь когда-нибудь возвратиться к христианству („всемогущая Троица да мя приобщит паки стаду своему“). Вот всё, что можно извлечь из послесловия для знакомства с автором записок и их сокращенного изложения. Поэтому, если исходить из текста послесловия, вопросы о национальности автора, о языке, на котором он писал, его дальнейшей судьбе остаются неразрешенными и переходят в область предположений. Хотя послесловие дает нам и имя автора — Нестор Искандер,¹ но и это не расширяет нашего знакомства с автором, так как об этом Несторе Искандере мы ничего не знаем, кроме того, что он сам сказал о себе в послесловии. Перед нами остается типичная русская историческая повесть XV—XVI веков, какого-либо иноязычного ее оригинала или прототипа нам до сих пор не известно. Это позволяет предположить, что повесть в том виде, в каком мы знаем ее по текстам, впервые появилась на русском языке,² а, следовательно, составителем ее был, скорее всего, русский книжник. Таким образом, конечный вывод из послесловия для представления о возникновении нашей повести таков: она составлена на основании записей современника и, быть может, участника событий, долгое время жившего среди турок и греков; его труд стал известен и популярен на Руси, вошел в русские исторические компиляции.

Но если мы подойдем ближе к повести как литературному произведению определенной эпохи, то возникает сомнение в возможности для Нестора Искандера, прожившего в столь далекой от русской литературы обстановке, создать такое типичное, требующее, помимо таланта, прежде всего литературных навыков, начитанности в русской книжности, произведение, как наша повесть в том ее виде, в каком она нам известна. Это несоответствие между сообщаемым в послесловии и самой повестью невольно ведет к выводу, что известная нам теперь повесть о взятии Царьграда турками написана не Нестором Искандером, а каким-то другим неизвестным писателем, притом не в чужих краях (например, в Константинополе), а на Руси. Но как же в таком случае смотреть на послесловие? Та бытовая обстановка, в которую, по его словам, поставлен был Нестор Искандер, является вполне возможной в XV веке: пленение (хотя бы татарами) русского молодого человека, затем продажа раба за границу (хотя бы из Крыма, куда он мог быть отведен) — явления довольно обычные для этого времени. Дальнейшая судьба Нестора также не представляет чего-либо исключительного: купленный (хотя бы за свою грамотность или знание какого-нибудь ремесла) турками, он мог занять какую-нибудь должность в турецком лагере (например, в какой-либо из канцелярий, где нужны были грамотные, более или менее интеллигентные люди, или в какой-либо мастерской), где за долгое время пребывания мог приобрести друзей и покровителей, что давало возможность уклоняться от непосредственного участия в военных действиях против христиан, позднее войти в сношения с оставшимися в живых по взятии города греками, занимавшими когда-то видные места и хорошо осведомленными о происходившем в городе во время осады, и т. д. Поэтому совершенно отвергать правдоподобность сообщений послесловия нет оснований. Остается под сомнением литературная деятельность Нестора Искандера. Он не обладал и не мог обладать теми литературными навыками и той начитанностью в русской

¹ Вероятно, первое имя — христианское, второе — магометанское.

² Югославянские тексты ведут свое происхождение от русских.

книжной литературе, которые обнаруживаются при анализе повести у ее создателя. Наиболее вероятным, кажется, был бы такой выход из обнаруженного несоответствия. Не отрицая существования записок и извлечения из них, сделанного при обстоятельствах, указанных в послесловии, взглянем на них, и в частности на извлечение из них, как на один из источников, притом основной, для повести в том ее виде, в каком она нам теперь известна. Вполне вероятно, что повесть написана неизвестным нам лицом, опытным в литературном деле русским книжником, имевшим возможность воспользоваться трудом Нестора Искандера. В таком случае придется предположить, что в сокращенном изложении своих записок Нестор Искандер себя назвал и сам сообщил о себе те сведения, какие мы получаем о нем из послесловия.¹

Если же в извлечении Искандера читалось (скорее всего, в конце) то же, что мы находим в послесловии повести (т. е. и у Искандера было послесловие), то составитель повести мог просто перенести его целиком к себе. Некоторое же своеобразие послесловия повести, сравнительно с массой обычных послесловий, встречающихся в рукописях, вытекает из своеобразия основного источника и обстоятельств, при которых этот источник стал доступен автору повести: записки обращенного в магометанство христианина (может быть, даже русского), очевидца и современника описываемого, из далекой чужой страны, попадают в руки русского, возможно даже московского, книжника.

Такое, до некоторой степени „компромиссное“ решение вопроса об основном источнике повести, разумеется, не решает еще вопроса о самом этом источнике. Оно констатирует только необходимость допустить наличие этого основного источника в числе других (второстепенных) у составителя повести, указывает на необычность его сравнительно с другими источниками произведений русской письменности. Но такое решение вопроса имеет то достоинство, что, не позволяя отождествлять извлечение из записок Искандера, сделанное им самим, с самой повестью, нам теперь доступной, делает возможным анализ ее как литературного явления русской письменности независимо от ее источника, который, может быть, еще найдется.

Во всяком случае, отождествление Нестора Искандера с действительным автором повести и труда Нестора с повестью представляется невозможным: в повести мы имеем перед собой типичное произведение русской исторической литературы XV—XVI веков.

II

В отношении литературного жанра и связанных с ним идейных и стилистических особенностей пространная повесть о взятии Царьграда относится к числу исторических воинских повестей русской литературы XVI века. Тема, идейное содержание и сама словесная структура сближают нашу повесть с этой группой поздних воинских повестей. Наша повесть в том виде, в каком она до нас дошла и распространилась в русской книжности, получила настоящую свою форму едва ли

¹ Не исключена возможность и иного предположения (впрочем, близкого к сделанному) о возникновении послесловия. При частых сношениях между Русью и только что завоеванным турками Константинополем, когда на Руси появлялись в большом количестве греки, спасавшиеся от завоевателей или искавшие счастья в Московском государстве, рукопись Искандера могла быть доставлена одним из таких выходцев (может быть, даже лично знавшим Нестора), причем он устно сообщил сведения о Несторе Искандере, которыми и воспользовался русский составитель послесловия.

ранее начала XVI столетия. Недаром она не была известна редактору Хронографа 1512 года, который еще не имел под руками письменного памятника о событиях 1453 года и ограничился поэтому общими фразами, ссылками на предыдущие главы своего Хронографа и лирическим плачем. Наша повесть, занесенная впервые на страницы Хронографа московской его редакции 1533 года (по Шахматову), явилась не позднее, разумеется, этого года в том виде, в каком мы ее читаем (приблизительно между 1512 и 1533 годами). Но, судя по тексту ее, связанному с именем Нестора Искандера, хронографический текст не был первоначальным, а явился обработкой старшего. Как будет показано ниже, в нем отсутствует ряд мест, находящихся в тексте с именем Искандера, принадлежащих несомненно первоначальной редакции повести, притом восходящих в свою очередь к предположенному нами тексту извлечения из записок самого Искандера. Но и единственный нам известный текст, сохранивший послесловие с именем Искандера, также не может быть сочтен представляющим вполне первоначальный текст повести: 1) в нем не находим некоторых (правда, немногих) мест, читаемых в хронографическом тексте и восходящих к первоначальному тексту повести; 2) текст искандеровский осложнен вставкой из апокрифических видений Даниила и лирическим добавлением компилятора в конце статьи; 3) дошел этот текст в составе комплекса (ему предшествует сказание о построении Царьграда Константином)—явление уже вторичное. Но оба текста по чтением на значительном пространстве совпадают, что подтверждает их общее происхождение и позволяет смотреть на них, как на позднейшие изменения первоначального текста. Это же совпадение обоих текстов в свою очередь заставляет предполагать, что свою форму воинской повесть получила еще в первоначальном виде.

Итак, обратимся к рассмотрению нашей повести, воинской по жанру, руководясь обоими текстами, дополняющими друг друга.

Русская воинская повесть в конце XV и особенно в первом десятилетии XVI века приобретает некоторые новые черты под пером писателей, близких к правящим кругам. Воинские героические сцены, точные в деталях, нередко мастерски разработанные и полные неподдельного драматизма и пафоса, сочетаются с отчетливо выраженной публицистической тенденцией. Большое внимание уделяют авторы этой поры обрисовке личности государей-военачальников, нередко придают своим произведениям отчетливую религиозно-лирическую окраску (лирические молитвы, плачи, знамения). Наконец, не довольствуясь фактической исторической основой, авторы повестей не раз обращаются к литературным источникам и образам предшествующих столетий.

Все эти признаки могут быть отмечены и в интересующей нас пространной повести о взятии Царьграда.

Составителю свойственна религиозно-провиденциальная точка зрения на смысл и значение исторических событий. Всё предусмотрено и предрешено волей божией и является результатом действий этой воли в отношении к людям: то это награда за богоугодное житие и поступки, то наказание за грехи.¹ По отношению к греческому государству и его

¹ Эта мысль, как мы знаем, входит в русскую официальную церковную и правительственную идеологию XV—XVI веков. За верность православию, сохранение его в чистоте Москва находится под особым покровительством свыше, что внешним образом и обнаруживается в политическом росте Московского государства. Та же мысль проходит и во многих повестях: Дмитрий Донской победил Мамаю, получив эту победу в вознаграждение за усердие к православию и свое благочестие.

столице имеет место последнее. Не взирая на исключительные благодеяния, изливавшиеся богом на греков в Царьграде, несмотря на предупреждения свыше о необходимости исправиться, греки не вняли этим указаниям и продолжали свою греховную жизнь. Они должны поэтому понести кару за неисчислимые свои беззакония, что и совершилось, де, теперь в виде окончательной гибели тысячелетнего царства греческого и завоевания его столицы неверными. Повидимому, по своей концепции составитель нашей повести близко примыкал к идеям сказания о построении Константинополя.¹

Для составителя повести не подлежит сомнению, что гибель города была предопределена и неизбежна именно в смысле наказания „за грехи наша“. К этой мысли автор часто возвращается, прерывая последовательное изложение эпизодов осады своими размышлениями. Греки с мужеством отчаяния „крепко борются“ с неверными, в отдельных случаях одерживают верх над осаждающими, нанося им большой урон, успешно отражая приступы. Но успехи эти автор расценивает как бесполезные для конечного, заранее предопределенного результата борьбы. Вот несколько таких примеров.

1. Сказав о том, как Зустунею удалось заделать пролом в стене, произведенный выстрелом из большой туредкой пушки, составитель прибавляет тотчас же: „Но что мощно учинити противу такия силы, наипаче же противу гнева божиа, грех ради наших?“ (448).

2. Магомет, потерпев поражение при втором приступе, готов был уже снять осаду города: „Но убо понеже беззаконие наше превзыдоша главы наши и грехи наша отяготеша сердца наша, в еже заповедей божиих не послушати и в путех его не ходити, гнева его како убежати?“ (450). Далее речь о „неблагом“ совете греков просить мира у султана, что и имело своим следствием продолжение осады.

(„Сказание о Мамаевом побоище“, редакция XVI века). Грузинская царица Динара одерживает блестящую победу над персами — за свою горячую веру в особое покровительство со стороны богоматери и т. д. Теми же мыслями кончат свое сказание о взятии Царьграда и составитель плача в Хронографе редакции 1512 года.

¹ Составитель этого сказания, перечислив благодеяния, изливавшиеся на город свыше, продолжает: „Но убо естество наше тяжкосердо и нерадиво: и, яко неистовы, юже на нас милость божию и щедрот его отвращаемся и на злодеяние и беззаконие обращаемся, и ниже бога и пречистую его мать разгневаем и славы своеа и чести отпадаем, якоже есть писано: «злодеяние и беззаконие превратит престолы синых», и паки: «расточи грьдыа мысли сердце их и низложи силныа с престол», также и сей царствующий град, неисчетными деанми и беззаконии от толяких щедрот и благодеяний перечистыа Богоматери отпадешся, тмочисленными бедами и различными напастями многа лета пострада, также и ныне, в последняя времена, грех ради наших, овогда нахождением неверных, овогда голодом и поветрии частыми, овогда же междуусобными бранми, и ниже оскудеша силии и обнишаша людие, и преуничжися град и смирися до зела“ (ПСРА. т. XXII, стр. 445). Смысл этой тирады ясно тот же, что проходит и через всю повесть о взятии Царьграда, где эта мысль многократно повторяется, вклиниваясь в самый исторический рассказ, особенно наглядно выражаясь в тех покаянных молитвах, которые вложены в уста осажденных; достаточно привести отрывок одной из них: „Страшное естество и неисповедимая сила [божия], юже древле горы видевше вьстрепеташе... мы же, окааннии, таа вся презревше, съгрешихом и беззаконновахом пред тобою... и тмюкратно разг[н]евахом и озлобихом твоего божества, забывающе твоих великих дарований и презирающе твоих повелений... отвратихомся и на злодеяние и беззаконие обратихомся... вся, яже наведе на ны и на град твой святый преведным и истинным судом, сотворил еси грех ради наших“ (там же, стр. 446, ср. стр. 453). Весьма вероятно предположение, что и сказание о построении Царьграда, хотя бы не всё, составлено автором повести о взятии Царьграда или же автор этой последней воспользовался этим сказанием. На это намекает не только сходство стиля, но и совпадение отдельных выражений и оборотов в обеих статьях.

3. После первого „знамения“ (в церкви св. Софии) царь отказывается покинуть город по совету патриарха и вельмож, мотивируя этот отказ: „Аще господь бог наш изволил тако, [всем нам погибнуть], како избегнем гнева его?“ (453).

4. После удачного отражения турок от пролома в стене и вытеснения проникших в город врагов составитель и в этом случае находит нужным прибавить: „Недци сказааша, яко и сам царь в сердце своем вознесеша, но и отшествие поганых чаяху, не ведяху бо божия изволения“, т. е. предопределения, что царю и грекам суждено погибнуть (456).

5. Хотя царь и отборные его воины прогнали ворвавшихся в город врагов, „но аще бы и горами подвизали, божия изволения не премочи“ (457), и действительно: Магомет двинул новые войска.

Этой идеологией объясняется благочестивое настроение всей повести (как и других повестей того же времени). Главный герой повести, царь Константин, рисуется не только как отважный, могучий воин, но и прежде всего как благочестивый религиозный человек, делящий свое время между боевыми подвигами, командованием и подвигами религиозными — хождением по церквам и „богомолениями“. Так появились в повести многочисленные, обширные подчас, молитвенные обращения, которые влагаются в уста не только царя и, конечно, патриарха, но даже (однажды, впрочем; 447—448) в уста кондотьера Зустунея.

Такие молитвы (притом большей частью шаблонные) — характерная черта воинской повести первой половины XVI века. Их мы находим в таком же сочетании с остальным содержанием, например, в повести о Динаре, сказаниях о Дмитрие Ивановиче, истории взятия Казани, поздних редакциях повестей о батыевщине и мн. др. Они точно отражают не только настроение авторов, но и взгляд той поры на самую сущность борьбы с неверными: борьба с политическими врагами русского государства — одновременно борьба за веру православную против язычества.

Сближают нашу повесть с воинскими повестями и „знамения“, часто входящие в состав таких повестей, вмешательство небесных сил в самый ход событий. В большинстве случаев это помощь, предвещание о победе (например, в сказаниях о Невском побоище и о Куликовской битве), в нашей повести наоборот: напоминание о предстоящей гибели греков.

Черты, типичные для XV и особенно XVI века, сказались в нашей повести и в разработке картин боя. В связи с тем, что вторая половина XV века была уже веком огнестрельного оружия и значительного развития военной техники, составитель повести в боевых эпизодах постоянно вводит новую, хорошо ему знакомую терминологию военного дела. В его рассказе пестрят: пушки, пищали, стенобитные „хитрости“ (446, 447), луки ручные (446), зелейники (казенная часть оружия, 448), зелие пушечное (449), сосуды зелейные (снаряды для взрывов, 450), стенобитные сосуды (7), козни приступные (орудия для приступа, 447, 452), башты (451, 455), грады деревянные (то, что позднее называлось „гуляй-город“; 30), забрала (448), стрельницы (446), окна (7, 38), колоколы ратные (446); пещцы, конники (22). Он говорит о том, как „нарядили“ или „наводили“ пушки, как осажденные „уготоваше многиа съсуды, наполняюще смолиа и серы горячиа, и посконь с смолюю и зелием пушечным“ (449) и т. п.

Многочисленные обобщенные описания битв отличаются в повести широким употреблением эмоциональных эпитетов, характеризующих напряженность борьбы.

1. „Бысть сеча зла и преужасна“ (447); „и бысть сеча зла“ (451; ср.: „и бысть сеча ужасна“ 456).

2. „[Греки] бяхуся с турки крепко“ (448, 454).

3. „[Греки] силне и нещадне сечахуся“ (448).

4. „[Греки] сечахуся тяжким и зверообразным рвением“ (457).

5. „И бысть сеча велия, яко страшно и жестоко бе видети обоих дерзости и мужества“ (454).

6. „И бысть сеча примрачна, зане стрелы их [турок] помрачиша свет“ (455).

Для этой же цели не раз вводится прием поэтической гиперболы, то подчеркивающий отвагу греков, то рисующий жестокость схваток.

1. „Един бяхшеса с тысящею, а два—с тмою“ (446).

2. „Кровь их [борющихся] течаше, яко реки по стенам, от вопля же и крычания людскаго обоих и от плача и рыдания градского и от звуку клакольного и от стуку оружия и блистания мяшеса всему граду от основания превратися“ (14).

3. „Наполнишася рвы трупиа человека до верху, яко чрез их ходити турком, аки по сте[пе]нем и битися, мертвыа бо им бяху мост и лествица ко граду, такоже и потоци и бреги вкруг града наполнишася трупиа и лименю Галатийскому кроваву быти, тако силне и нещадне сечахуся“ (448).

В более подробно разработанных сценах сражений немалое внимание уделено новой для средневековья звуковой картине ожесточенного огнестрельного боя.

1. „От пушечного бо и пищального стуку и от звуку звонного и от гласов и воплей и кричания от обоих людей и от трескоты оружий такоже и от плача и от рыдания градских людей и жен и детей, яко и земле поколебатися. И не бе слышати друг друга, что глаголет; бысть яко гром велий, от множества огня и стреляния пушек и пищалей обоих стран, дымное курение сгустився, покры град и войско все, яко не видети друг друга, с кем ся бьет, и з зеленого духу многим умрети“ (447).

2. „Не бе слышати друг друга, что глаголет: Совокупиша бо ся вопли и крычания и плач и рыдания людей и стук дельный [т. е., орудий] и звон клаколый в един звук, и бысть яко гром велий“ (9, 10).

3. „[Картина взрыва подкопа]: внезапно възгреме земля, аки гром велий и подься с турами и с людми, яко буря силнаа до облак, и бе слышати трескот и сътрение туров и вопль и стенание людское страшно“ (456)

Доблесть греков не раз подчеркивается автором (людие укрепишася и охрабришася, 448; огражьшеса дерзостью, 455), ей отдают должное даже враги: „гаурове охрабришася“, отзывается Магомет о защитниках Царьграда (452).

Автор не раз описывает подвиги отдельных защитников Константинополя и особенно часто подчеркивает, какие чудеса мужества и храбрости показал греческий царь Константин.

1. „[Зустуней] бяхшеса с турки толма храбро и мужественно, яко отступити от того места [стены] всем турком“ (447).

2. „Турки же вскрычавше злостью, окружиша его тмочисленне и сечаху его [Рахгавей]; греки же нуждахуться крепко отъяти его и не возмогоша, но и падоша мнози, и рассекоша турци Рахгавей на части“ (20).

3. „Сечахуся оба [Рахгавей и Амарбей] зле... Рахгавей... удари Амарбеа мечем по плечу оберучь и рассече его надвое“ (451).

4. „[Царь] рассекаше [турок] надвое, а иных пресекаа наполю, не удръживаше бо ся мечь его ни в чем“ (452).

5. „Царь же подав ему [бегиларбею] щит, отведе копие и ударив его мечем в главу, и рассече надвое до седла“ (457).

6. „Достигшу же цесарю, вопияше на своих, укрепляя их, и, возрыкав, яко лев, нападе на турки со избранными своими пешцы и конники и сечаше их крепко: ихже бо достигаше, разсекаше их надвое“ (22).

Защитникам Царьграда резко противопоставлены его жадные и жестокие завоеватели, для обрисовки которых автор повести нашел немало выразительных оценочных эпитетов, характеризующих султана Магомета и турецкую военщину: окаанный (445, 450), безверный (145, 447, 450), безбожный (447, 11), зверообразный (447), скверный (449), злонаравный (450), поганые (турки; только однажды, 456). Такие же характерные эпитеты и определения встречаем в описаниях отдельных моментов рассказа, прежде всего в изображениях битв.

Из стилистических приемов, типичных для поздней воинской повести, следует еще обратить внимание на большое количество развернутых союзных сравнений: „падаху... трупиа обоих стран яко снопы сз абрал, и кровь их течаше яко река“ (448); „побиша их [турок] гражане бесчестленно, закалаху бо их яко свиной“ (456); „яко молния бо блистаху от обоих оружия“ (9); „людие падоша от труда, яко мертвы“ (10); кровь течет „акы потоком сильным“ (14); греки нападают на турок, „акы дивии звери“ (29); воины изнемогают, „яко пиани“ (35); воеводы предлагают царю напасть на турок ночью, „якоже иногда Гедеон на Мадиамян“ (451).

Приведенные примеры сближают нашу повесть именно с поздней воинской повестью, значительная часть выражений ее встречается или в том же виде, или же в подобном, например, в повести о Динаре, относящейся приблизительно к тому же времени.¹ С воинскими же повестями старшей эпохи в идейном и стилистическом отношении наша повесть сближается редко.²

Отмеченные многочисленные элементы идеологии и стиля сближают нашу повесть с большой повестью о взятии Казани, с поздними редакциями „Сказания о Мамаевом побоище“, с повестью о Динаре и др. Роднит ее с этими произведениями общая концепция составителя, оценка событий, идейная основа, естественно нашедшие себе и внешнее выражение в самой конструкции повести и словесной стороне ее.

Анализ идеологии, композиции и стиля повести определенно ведет к выводу, что в ней мы имеем перед собой типичную воинскую повесть, сложившуюся в начале XVI века. Но из этого же анализа мы делаем и другой вывод: перед нами произведение русского книжника, произведение русское, а не переводное, хотя в основном своем фактическом содержании оно и покоится на чужом труде, недоступном нам теперь, на извлечении из записок современника и очевидца. Обработка этого основного источника должна быть признана сделанной на Руси применительно к политическим и литературным требованиям начала XVI века. Таким образом, вопрос о языке этого источника становится для нас вопросом второстепенным, поскольку мы касаемся литератур-

¹ М. Н. Сперанский. Повесть о царице Динаре в русской письменности. Известия ОРЯС АН, т. XXXI, 1926, стр. 70 и сл.

² Можно указать на выражения „пакость“ в смысле вред (446), „фарис“ — конь (458), известные из Девгениева деяния, „храбры“ — воины (447), „сила тяжкая“ — большое воинство (455), употребительные в повестях о нашествиях татар (при осаде Киева, например).

ной истории повести на русской почве. Впрочем, можно предположить, с большой долей вероятности, что извлечение из первоначальных записок Искандера было сделано по-русски и в таком виде передано на Русь, где и было обработано в повесть. Будь оригинал повести греческим, мы в русской переработке его ожидали бы больших гречизмов в лексике или строении речи. Между тем, немногие гречизмы повести сводятся почти исключительно к византийской придворной или военной терминологии — названия чинов: мегистаны (446), стратиг (446), архидукс (451), великий дукас (459), епарх (451), великий доместик, логофет (459), протостратор (456, 459), клирик (клир) и сигклит (при патриархе; 456), анактос (459), керемиды (468), лимень (449) — все слова и названия, известные на Руси при ее оживленных сношениях и до взятия Царьграда, и после него. Эти слова могли быть в источнике повести и в том случае, если этот источник был на русском языке. Из того же источника были взяты и турецкие слова (опять-таки преимущественно названия чинов турецкой армии), вполне естественные в устах человека, долгое время жившего среди турецкой военщины: ягма (448), флабулар (451, 455), гаурове (459), бегиларбей (454), янычанин (457), сенсебей, санчакбей (458, 459), баши и паши (458) и др.

Если обратим внимание на другие источники повести, помимо извлечения из записок Искандера, то увидим, что и они не только не противоречат русскому происхождению повести, но до известной степени поддерживают это мнение.

Представляя себе завоевание Константинополя турками как событие, предрешенное высшей волей, и отмечая великое значение его для Руси, составитель повести интересовался популярными и авторитетными для его современников апокрифическими „пророчествами“ и „откровениями“. Ссылаясь на них в повести, хотя и не цитируя, автор называет лишь имена, под которыми эти „пророчества“ распространялись в его время, очевидно, считая, что содержание их известно читателям. Вот эти места повести: 1) „сие же [война с турками] бысть за наша грехы... и яко да збудется вся прежереченнаа о граде сем при Константине, велицем цари, и Лве Премудрем и Мефодием, епископом Патрьским“ (450); 2) „веси, о царю, вся прежереченная о граде сем, и се ныне паки иво знамение страшно бысть“ (слова патриарха по поводу „знамения“ в св. Ссфии, 453); 3) „и сбуться реченное: Константином создася [Царьград] и паки Константином и скончася“ (по поводу смерти царя Константина, 458); 4) „аще вся прежереченная Мефодием Патрьским и Лвом Премудрым и знамена о граде сем совершишася, то и последняя не преидут, но такоже совершится имуть. Пишет бо: Русский род с прежесоздательными всего Измаила победят и Седмохоломаго примут с прежезакон[ны]ми его и в нем воцарятся“ (460).

Нетрудно определить, какие произведения имел в виду составитель повести, называя эти имена: с именем Мефодия он соединял, конечно, известное „Откровение“ Мефодия Патарского, не позднее XI века переведенное на славянский с греческого, имевшее несколько русских редакций и приобретшее новую популярность в XV—XVI веках отчасти под влиянием ожидания „конца мира“ на исходе 7-й тысячи.¹

¹ Какие именно места „Откровения“ имел в виду составитель повести, называя только имена, сказать трудно; предположительно же можно указать на такое место интерполированной редакции „Откровения“: „Будут бо сынове Измаиловичи зли зело и перестанет служба богия в церквах святых и пенне, дондеже скончается число царства их, имже предаша всю землю; скончается печаль в человецех, и будут глади и смерти, и измождают человецы и разсыплются по всей земли, яко персть; и ина казнь от бога будеть“ (гл. V).

С именем Льва Мудрого он соединял также популярные пророчества о Константинополе, хорошо известные и в византийской и русской письменности.¹ Что касается „пророчества“ о Царьграде при царе Константине, то здесь прямо можно указать на сказания о построении Царьграда, где „знамение“ — появление змия и орла, вступивших между собою в борьбу, кончившуюся убиением змия, — истолковано применительно к будущим судьбам Царьграда.²

Вторая половина последней из приведенных цитат определяется совершенно точно: это буквальная выписка из апокрифического „Откровения“ Даниила, также переведенного с греческого и также получившего новую популярность вместе с другими откровениями эсхатологического характера.³ Какое произведение имел в виду составитель, приводя цитату о двух Константинах, первом и последнем, сказать трудно.⁴

Кроме апокрифических „пророчеств“, составителю повести несомненно было известно также сказание о создании церкви Софии в Царьграде. Так можно думать по следующему месту повести: патриарх, истолковывая „знамение“ в св. Софии во время осады, говорит: „Свет уже он неизреченный, иже бе содейства в велицей церкви божи Премудрости со прежними светильники архиереи вселенскими и цари благочестивыми, такоже и ангел божий, его же укрепи бог при Устиниане царе на сохранение святыха и великия церкви и граду сему, в сию ночь отыдоша на небо. И сие знаменует, яко милость божиа и щед-

¹ Ср.: М. Н. Сп е р а н с к и и. Из старинной новгородской литературы. Памятники древнерусской литературы, вып. 4, 1934, стр. 122, прим. 3. Здесь дана литература, относящаяся к „пророчествам“ Льва Мудрого. Из ряда распространенных в русской письменности различных текстов предсказаний Льва Мудрого составитель повести мог иметь в виду или „Списи Льва Премудрого“, находящиеся в числе приложений к Библии конца XV века (Унд. 1/423), в которых в начале читается: „Горе тебе, Седмохолмни граде, егда како Константин славословится на здох твоих; тогда приближиши падение и погубление силных твоих, иже в неправде судящих“, или же текст гипа Рум. 1241 (ал. 19 об. — 21) „С книг Льва Премудрого: zde написаны гибели месячныя и лунния“, где читаем в начале: „От первого индикта царство Имаилетско глаголемое. Магомет имат победити род ветхословец и Седмохолмого возмет и в нем воцарится“; наконец, он мог иметь в виду небольшую статью „Премудрого Льва о будущих“, распространенную и в русских, и в югославянских списках и касающуюся судеб Балканского полуострова, и в частности Константинополя (ср.: „Starine“, т. IV или Рум. 1472 — текст сербский, списанный с русского).

² Вот соответствующее место из сказания о построении Царьграда: „[Когда совершилось „знамение“, книжники и мудрецы], порассудив, сказаша царю [Константину Великому]: «Сие место Седмохолмный наречется и прославится и възвеличится в всей вселенней паче иных градов, но понеже станет между дву морь и бьем будет волнами морскими, поколебим будет. А орел есть знамение христианское, а змий — знамение бесерменское; и понеже змий одоле орла, являет, яко бесерменство одолеет христианство; а понеже христиане змия убиша, а орла изымаша, являет, яко напоследок паки христианство бесерменства одолеет и Седмохолмого примут и в нем воцарятся“ (ПСРА, т. XXII, стр. 444). Этот эпизод, как мы видели, непосредственно предшествует повести, которая и в другом месте имеет соприкосновение со сказанием.

³ Эта выписка больше всего совпадает с текстом Унд. I (Библия) конца XV века; см.: А. Н. П о п о в. Библиографические материалы. XV—XIX. М., 1889, стр. 97. Текст „Откровения“ мало чем отличается от греческого; „Русскому роду“ (вар. „Русии род“) в греческом соответствует *Ἕθνος ῥωσος*, как в Византии назывались не только народы Запада, но и русские.

⁴ Не есть ли это ходившая вскоре по взятии Царьграда поговорка, основанная на действительно обращающем на себя внимание совпадении в именах первого и последнего из византийских царей? Ср. в плаче (Хронограф, гл. 208): „Пребысть же [Царьград] — растый . . . от первого царя Коньстантина . . . до последнего Коньстантина“ (ПСРА, т. XXII, стр. 437); ср. у псевдо-Дорофея: „и Константин убо созда и Константин погуби“ (Синод. 339, л. 334).

роты его отъидоша от нас“ (стр. 453).¹ Сказание это относится к числу старейших переводов с греческого прямо на русский и так же, как и упомянутые выше „пророчества“, проходит в многочисленных списках через всю нашу старинную письменность.

Из других литературных памятников, отзвуки которых находим у автора повести, можно назвать „Историю“ падения Трои (Троянскую притчу), также давно известную в русской письменности; на нее указывают слова автора в конце его повести: „Грех ради наших беззаконный Магомет... потребших Троию предивную, семьдесятми и четырьмя крали обороняему“ (459—460).

Наконец, есть некоторое основание предполагать, что составителю повести известно было „Положение Иерусалима“ Иосифа Флавия в древнерусском переводе (XI—XII века), откуда он мог заимствовать отдельные мотивы в изображении боевых сцен.²

Итак, все второстепенные источники, которыми мог располагать составитель повести, имелись в русской письменности XV—XVI веков. Следовательно, и это подтверждает высказанное мнение, что повесть была создана на Руси начитанным и опытным в литературном деле писателем начала XVI века.

III

Тексты повести о взятии Царьграда турками, как вошедшие в Хронограф 1533 года, так и помещаемые в „комплексах“ и отдельно встречающиеся, в общем довольно устойчивы по составу и однообразны по чтениям.³ Но среди них выделяется своими особенностями текст XVI века

¹ Составитель повести, влагая в уста патриарха такие речи, имел, конечно, в виду „чудо первое“ сказания о Софии — о юноше и ангеле на постройке церкви (Памятники древней письменности, т. LXXVIII, 1899, стр. 11).

² Основания для предположения таковы:

1) несомненное сходство в изображении отдельных „боевых“ моментов; ср., например:

У Флавия (цитирую Иосифа Флавия по изданию: V. Istrin. La prise de Jerusalem par Joseph le Juif, I. Paris, 1934)

В повести

И бысть видети падающа жида, яко снопы забраха... Кровь забраха течаше, яко реки и мнори бы кто по трупию власти в град, яко по степенем [228/114].

Падаху бо трупиа обоих стран, яко снопы забраха, и кровь их течаше, яко реки, и наполнилася рвы трупиа человека до верку, яко чрез их ходити турком, яко по степенем [448].

Стрелы помрачиша свет [222/111].

И бысть сеча примрачна, зане стрелы их [туро.] помрачиша свет [455].

2) сходство в военной терминологии в обоих памятниках (разумеется, за исключением того, что относится к терминологии огнестрельного оружия);

3) сходство основных тем обоих памятников: оба излагают падение городов, Иерусалима и Царьграда, — городов, в представлении современников, имевших мировое значение, центральных по своему религиозному значению (ср. паломничество во „святой“ град Иерусалим и „второй“ Иерусалим — Царьград — для поклонения святыням; оба города часто объединялись и внешним образом: сказания об их падении в рукописях часто стоят рядом, что и закреплено было печатным изданием начала XVII века;

4) как раз в XV веке, когда пал Царьград, начинают, судя по сохранившимся текстам, распространяться списки старого перевода „Истории падения Иерусалима“ Иосифа Флавия; только в списках не старше этого времени известна нам „История“; в данном случае „История“ Флавия представляет аналогию к „Откровению“ Мефодия и „пророчествам“ Льва Мудрого, а эти последние также были в числе источников составителя повести.

³ Разумеется, не принимая в расчет мелких разночтений и незначительных лексических вариантов, не имеющих редакционного значения. Сюда не причисляются переделки основного текста, имеющие в иных случаях характер редакционный: о них будет речь в дальнейшем отдельно.

Троицк. 773, в свое время изданный Леонидом. В нем, помимо послесловия Искандера и (в конце) большой выписки из апокрифического „Откровения“ Даниила, дан целый ряд разночтений, главным образом добавлений текстуального свойства сравнительно с обычным хронографическим. Разночтения и добавления эти представляют интерес при решении вопроса о первоначальном тексте повести. Как было уже упомянуто, ни искандеровский, ни хронографический тексты не представляют повести в ее первоначальном виде, но оба должны быть возводимы к третьему, старшему, отклонения от которого они и представляют. Таким образом, сравнительное изучение искандеровского и хронографического текстов или редакций должно в некоторой степени приблизить нас к представлению о первоначальном тексте повести.

Как мы видели, в Троицк. 773 повесть о взятии Царьграда соединена со сказанием о его построении царем Константином Великим (обе статьи без заглавий). По тексту сказание почти буквально совпадает с читаемым при хронографической повести,¹ только в конце Троицк. 773 добавлено сравнение обнищавшего и смирившегося „до зела“ города: „и бысть яко сень в винограде и яко овощное хранилище в вертограде“ (б), не вносящее, впрочем, ничего в содержание по существу. Но следующая затем фраза в Троицк. 773 дает уже интересное дополнение.

Троицк. 773

ПСРЛ, т. XXII

Сия убо вся уведе в тогда властвующей турки безбожный Магумет, Амуратов сын, в миру и в докончанье сыи с царем Константином, абие збирает вся многа землю и морем, и пришед внезапно град обступи со мноюю силою [б].

Властвующу турки безбожному Магмету, Амуратову сыну, и бывший тогда в миру и в докончании с православным царем Костянтином Ивановичем, царствующим в Цариграде, и абие безбожный Магмет брань въздвиже противу Константинаграда не по чину, но спротиву сътворенных сложений, спротиву клятв, воинство приведе много по земли и по морю и ратовати нача. И пришед, внезапно град обступи с многими силами [145].

Прибавленные в начале Троицк. 773 слова „сия уведе“ прямо устанавливают связь между сказанием о построении Царьграда и повестью о взятии его турками. „Сия уведе“, т. е. узнав о „нестройных“ в городе, оскудении сильных, обнищании людей и т. д., Маго-

¹ Текст Троицк. 773 считает годом эдикта о христианстве — 5508, хронографический — 5518 (что и правильнее). Интересен вариант лексического свойства: Троицк. 773 последовательно пишет „Визандия“ (вм. „Византия“) и один раз „Костяндион“ (в хронографической „Константин“, но в другом месте „Костяндион“), т. е. в русском тексте сохранено живое греческое произношение письменной группы υτ (как *любуτх* — люнда). Как объяснить появление в русском тексте этого начертания, передающего живое произношение греческого? Других подобных гречизмов в тексте не замечается. Так написать не мог грамотный грек, если он и писал по-русски: он, если и выговаривал „Визандия“, „Констандин“, то должен был на письме передать „Византия“, „Константин“ (Βυζαντιος, Κωνσταντινός), сохраняя принятое греческое начертание (обычно также передаваемое и по-русски). Во всяком случае наличие подобного начертания в русской рукописи не указывает на греческий оригинал сказания о построении Царьграда. Объяснить же его скорее всего следует так: русский оригинал, от которого пошла текст искандеровский и хронографический, писал русский человек, владевший или по крайней мере более или менее знавший современный живой греческий язык, что для XV—XVI веков вполне возможно в Москве, при оживленности сношений с греками и при наличии многочисленных греческих эмигрантов, приходивших или прямо из завоеванного Константинополя, или через западную Европу, и до разорения греческого царства, и позднее.

мет решает пойти на завоевание города. Этот небольшой вариант подтверждает косвенно заподозренную нами выше связь между сказанием и повестью: он соединяет в одно обе статьи как рассказ о начале и конце Царьграда. Несколько иной интерес представляет дальнейшая цитата из хронографической повести (которая в этом случае пространнее исхандеровской). Она подробнее говорит и дает освещение самому началу войны Магомета против Византии. Он начал войну „не по чину“, с нарушением существовавшего соглашения и клятв. Но на это дополнение и, пожалуй, подчеркивание путем повторения, незаконного действия Магомета едва ли можно смотреть, как на сохранение в хронографической повести более первоначального текста, нежели в исхандеровской. Так можно было бы предполагать на основании такого „комплекса“, куда входит статья о происхождении турецких султанов („Откуда беша...“; см., например, Заб. 241, Заб. 445, Увар. 906). Эта статья помещена была в Хронографе и читалась еще в редакции 1512 года (гл. 202). В конце ее, действительно, сообщается о мире, бывшем между турками и греками еще при Иване Палеологе (брате Константина) и Амурате (отце Магомета). Византийцы оказали помощь Мустафе, восставшему против Амурата, почему у последнего и произошло столкновение с Иваном, но потом состоялось примирение, и мир продолжался при Магомете, наследовавшем Амурату. По взглядам составителя хронографической редакции повести, Магомет нарушил соглашение (заключенное его отцом) и мир без всякого повода со стороны Константина, соблюдавшего договор, заключенный с турками его предшественником. Всю отрицательную сторону поведения Магомета как будто и желал подчеркнуть составитель хронографической повести, допустив нечто вроде повторения.¹ Но фраза эта, помимо того, что по мысли она является ненужным повторением только что сказанного („бывый тогда в миру и в докончании с царем Константином“), заимствована из „Иного перевода“ (краткой повести) и в Троицк. 773 отсутствует. То же следует сказать и о следующей фразе хронографического текста, отсутствующей в Троицк. 773: отвергнув посольство греческого царя, Магомет „сам предивным ополчением и страшным движением по суши и по морю приступи к царствующему граду“ (446). Последовательность фактов, казалось бы, на стороне хронографического текста, но это едва ли так. О том, что Магомет „обступи град“, речь была выше, а, кроме того, фраза эта рассекла сплошной рассказ: „он же безверен сый и лукав, посланники отосла, а град повеле бити пушками...“, как это и читается в издании Леонида (6). И эта фраза идет из „Иного перевода“ (краткой повести).

Приведенные сопоставления хронографического и исхандеровского текстов показывают, что предпочтение в смысле первоначальности приходится отдавать последнему. Но в то же время в последнем списке, в том виде, в каком мы его знаем, несмотря на то, что он имеет чтения лучшие, нежели хронографический, мы всё же не можем видеть текст повести в ее первоначальном виде. Сравнительно с предполагаемым первоначальным текст Троицк. 773 уже претерпел, как и хронографический, и другие изменения, помимо вставки из „Откровения“

¹ Действительный же мотив (а не злую волю султана) нападения на Царьград Магомета указал „Иной перевод“: султан не мог допустить, чтобы был христианский град среди турок, не покоренный его державе (Троицк. 811, л. 298); действительно, всё греческое царство этого времени ограничивалось (не считая Эпира и Морей, давно отколовшихся от империи) стенами и ближайшими окрестностями Константинополя, остальное было в руках турок.

Даниила, потребовавшей изменения естественного окончания повести. Он утратил, видимо, заглавие и начало самой повести (с датой) под влиянием соединения повести со сказанием о построении Царьграда, а это явление вторично: первоначально повесть была вполне самостоятельной. Но главная ценность списка Троицк. 773 состоит в том, что он по чтениям значительно полнее, нежели хронографический, и это „лишнее“ в нем показывает, что, утратив некоторое из первоначального текста в начале, он является в остальном более близким к этому первоначальному, нежели хронографический. Может быть доказано, что места, „лишние“ сравнительно с хронографическим текстом, в значительной доле должны быть сочтены принадлежащими первоначальному тексту; они сообщают такие данные или детали фактов, которые не могли быть присоединены позднее редактором или переписчиком текста. Вот ряд таких мест сравнительно с хронографическим текстом.

П С Р Л, т. XXII

Троицк. 773

[Описание битвы]: не бе слушати друг друга, что глаголет, бысть, яко гром велий [447].

И не бе слышати друг друга, что глаголет: совокупиша бо ся вопли и крычания и плачь и рыдания людей и стук дельный и звон клакольный в един звук и бысть яко гром велий [9—10].

Мотивировка, почему „не бе слышати друг друга“, кстати дополняющая картину боя, могла принадлежать первоначальному тексту,¹ тогда как в хронографическом чувствуется некоторая недоговоренность: последняя фраза („бысть, яко гром велий“) по смыслу есть обобщение перед тем приведенных частных.

Градския люди падоша от турков (так!) яко мертвы, токмо стражие едины оставиша по стенам. Наутриа же царь повеле събрати трупия мертвых и погresti [447].

Градские люди падоша от труда, яко мертвы, токмо страж единых оставиша по стенам. Наутриа же повеле цесарь собрати трупия, и не обретоша людей: вси бо бяху сляща утрудився. И посла цесарь к патриарху, да повелит священником и дяконом собрати мертвыя и погresti я. И абие собращася множество священник и дяконов и взяша мертвыя и погребоша их [10].

Вполне уместная фактическая подробность указывает на принадлежность ее первоначальному тексту.²

[После ожесточенной битвы, где пало более 5 тысяч греков и 24 тысячи турок, патриарх и клир повели царя в Великую церковь] на молитву и благодарение всемилостивому богу, также и множество благородных жен и детей с царицею.

...на молитву и благодарение всемилостивому богу, также и множество благородных жен и детей с царицею, понеже вси люди бяху еще опочивающе от безмерных и неприятных истомы. И повеле

¹ Она осталась и после поправки, сделанной иной рукой в Троицк. 773: здесь слова „вопли... клакольный“ зачеркнуты и заменены „вся сия“ (10, прим. 18а). Любопытно чтение „дельный“, т. е. „орудийный“, „пушечный“: оно сопоставляется с польским *działo* — „орудие“, „пушка“; таким образом, этот полонизм подтверждает предположение, высказанное Леонидом о литовско-русском происхождении Нестора (предисловие). Будучи поставлен рядом со словом „израда“, весьма возможно, также западнорусского происхождения, полонизм этот мог попасть в первоначальный текст, как туркизмы и грецизмы, из источника повести, восходящего к труду Искандера.

² См. рецензию Г. С. Дестуниса на издание текста (ЖМНП, 1887, февраль, стр. 366 и сл.).

И быше видеги в всем граде всем людем и женам притичющим к божии церкви [449].

патриарх позвонити по всему граду, заповедавая всем людем, иже не бяхуть на брани, и женам и детем къждо их, да поидуть к своему приходу, молящися и благодаряще бога и всенепорочную его мать, владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию. И быше видеги во всем граде всем людем и женам притичющим к божиим церквам [15].

Опять фактическое добавление с объяснением, почему в Великую церковь могли придти на молебен только патриарх с клиром и знатные жены и дети с царицею, — место, без сомнения читавшееся в первоначальном тексте и восстанавливающее некоторую неясность в хронографическом: в Софию могли придти только знатные люди, а по всему городу видны были люди, идущие по другим церквам.

[После знаменья в церкви св. Софии патриарх и бояре уговаривают царя покинуть город. Царь откаывается, говоря: сего не сотворю но да умру где с вами! И не послуша их [453].

... сего не съворю. Ни, господие мои, ни, но да умру где с вами. И отступи от них. Зустуня же паки, пришедши со инеми боляры, много увещевааху цесаря со слезами и рыданием да изыдет из града, и не послуша их [25].

Добавление того же характера, что и предыдущее.

[26 мая турки пытаются взойти на стены] и не даша им греки, но сечахуся с ними крепко. Магмет же окаанный со всеми чины своими... прииде на полое место [454].

... и не даша им грекы, но сечахуся с ними крепко. Баши же и воины и нарадчики их, понужающе турок и бьюще их въскликааху и вопияху на них. Магумег же окаанный со всеми чины врат своих... прииде на полое место [28].

Описание идет от очевидца боя, находившегося вне города, среди турок, и принадлежит подлиннику.

Но убо еще часу суда не приспевшу, премогахуся [греки] с ними [турками]. И бысть сеча велия [454].

Но убо еще часу суда не приспевшу премогахуся с ними. Цесарь же и вельможи с ними скааху по всему граду плачуще и рыдающе молящися боляром и стратигом и воинном всим, тако и всему народу, да не отпадут надежею, ни да ослабеюг делом, но дерзностию и верою несумненно братися с врагы, и господь бог поможет ны. И повеле звонити по всему граду на собрание людем и собравшися всем людем [вси люди] по стенам бяхуся с туркы. И бысть сеча велия [28].

Опять фактические данные, но на этот раз сообщаемые человеком, находившимся внутри города.

[Патриарх], плача и рыдая, глаголаше: Воскресни, господи боже мой [454].

Егда же услыша [патриарх], звону, взявше божественныя иконы, изыде пред церквою и ста на молитву, осеняюще крестом весь град и рыдающе и глаголюще: Воскресни, господи боже [28].

Добавление, продолжающее предыдущее.

[Турки не отступили от стен города], брегуще своих градов и иных козней, не дадуще гражаном зажещи [455].

... брегуще своих градов и иных козней. На утрия же греки восхотеша зажещи в многих местах козней их и грады деревянные и не даша им турки стрелянием из луков и из пищалей. Падоше же обоих стран, а наипаче ранних [раненых?] кто может исчести? [39].

Видимо, в хронографическом тексте имеем сокращение того, что полностью читалось в подлиннике и читается в Троицк. 773. Конец цитаты в Троицк. 773 явно испорчен.

[Царь с вельможами и врачами идет к раненому Зустунею] утешающе его [455].

... утешающе его, хотяху бо аще бы мощно было, душа своя вдунути в него, обьяше бо их скорбь и печаль велиа о нем, занеже братом его имейше цесарь многия ради веры его и бодрости [37].

Совершенно уместное объяснение настроения царя и вельмож.

[Видеша турки башту делающих, вскоре наскочиша множество их на полое место [455].

Дню уже приспевшу, егда видеша турки башту делающих, вскоре пустиша на них изомногих пушек и не даша им делати; онем же пространившимся от пушек, вскоре наскочиша множество турок на полое место [37].

Механическое сокращение хронографического текста, аналогичного Троицк. 773.

[На братьев, убивших сарацынских богатырей, турки нападают толпами], они же от них уидоша во град вси трие без вреда [456].

... онем же обраняющиеся от них, уидоша в град; бяху же триети нафты: един гречин, другый угрин, а третий арбонаш [37—52].

[Вторично раненного Зустунея выносят из боя, за ним уходят его франки], видевше же стратиги и вси граждане устремление турков, начаша бежати. И погибель бы конечнаа настигла их и граду, аще не бы царь поскорил со избранными своими [456].

... видев же стратиги и все граждане болма прибывающих турок, начаша бежати, и егда постигахуть их, нужею возвращахуся и боряхуся с ними, и погибель конечная уже бе [бы?] постигла град, аще бы не поскорил цесарь со избранными своими [32].

[Царь, застав Зустунея еще живым, погоревал о нем] и по сем нападе на турки со избранными своими и биаше их нецядно, токмо един мечь имеа в руке, иже достизаше мечем рассекаше их чадное, аще и по коню ударит — падаху под ним, не удръживаше бо ся мечь его ни збруи, ни конскаа сила. Турки же, видевше крепость и мужество цареву, бежаша от него. И тако прогнаша турков к полому месту [456].

... и нача [царь] возвращати фряг с молением и рыданием, и не послушаше его, и пришед поношаше своих о слабости их и немужество, и абие возвращаше бегающих, а сам нападе на турки, и поюкнув своим, вниде вратных бьяше их мечем по плещу и по ребрам, аще и по коню ударить — падаху под ними [ним?] и не удръживаше бо мечь его ни збруи ни конская сила. Турки же искликахуся и друг друга поюкаша нань, сам [сами?] же не смеяше; оружия же, иже метаху нань, якоже преди рекохом, вся суетно падаху, мимо его летающе не улуча-

хуть его.¹ Еще убо часу не при-
спевшу, он же на них возвра-
щашеся, бежаху от него и раз-
лучахуся и даяхуть ему путь.
И тако прогнаша турков к полому месту
[32—33].

Повидимому, в подлиннике было больше подробностей; часть их хронографический текст опустил, сохранив, однако, кое-что из того, что пропущено в Троицк. 773.

[После убийства бегиларбея] царь же, пригласив своих, со восклицанием многим, выидоша в полки их [турок] и биа их, прогнаша из града [457].

...цесарь же пригласив своих со восклицанием многым, выидоша во все полки их и бья их, прсгнаша из града. Но Карачьбею баше, собравшу множество войска, поиде гуфою и гордостью великою на полое место, и выиде во град и прогна цесаря и всех граждан. Царь же паки помолився стратигом и всим мегистаном и вельможам, тако и народу, укрепи их, и возвратився нападоша на турки, уже отложше живота и паки прогнаша их из града [34—35].

Хотяше бо [Магомет] видети уряд и сокровища церковная [459].

Хотяше бо видети уряд и сокровища церковная, да сбудется реченное: и вложит руцесвоя в святая жертвенная и святая потребит и даст сыновом погибели [39].

Русский род с пржедсоздательными всего Измаилта победать и Седмохолмого примут с пржезаконми его и в нем воцарятся [460].

Русии же род с пржедсоздательными всего Измаилта победят и Седмохолмого примут с пржезаконными его и в нем воцарятся и судржат Седмохолмого Русы, язык шестый и пятый и насадят в нем зелие, и снадят от него мнози в отщение святым [40—41].

Здесь выписка из „Откровения“ Даниила продолжена сравнительно с хронографическим текстом. Наконеч, для характеристики списка Троицк. 773 следует добавить, что в нем за только что приведенной цитатой идет большая выписка из этого „Откровения“ (ее нет в большинстве известных мне списков хронографического текста) и прибавлено свое заключение всей повести: „Сия убо вся и ина многаа прорицаниа и знамениа писаниа съдржьить о тебе, граде божий, их же всещедрый и всеблагий бог да совершити на пременение и на поправление скверныя и безбожныя сея веры атаманскыя и на обновление и укрепление всея православныя и непорочныя веры христианстей, ныне и присно и во веки веков. Аминь“ (42). С одинаковым правом это заклю-

¹ Действительно, в другом месте повести читается аналогичное место о царе: „Достигшу же цесарю, вопияше на своих, укрепляя их, и, возрыкав, яко лев, нападе на турки со избранными своими пещы и конники и сечаше их крепко; их же бо достигаше, рассекаше их надвое, а иных пресекая наполь, не удржаваше бо ся мечь его ни о чем. Турки же скликахуся против крепости его и друг друга понюкаше нань и всяким оружием суляху его, и стрелы бесчислены пушаху нань, но убо якоже речеся, бранныя победы и цесарское падение божим промыслом бывает: оружия бо вся и стрелы суетно падаху и мимо его летающе, не улучахуть его. Он же един имея мечь в руце, сечаше их и на них возвращашеся, бежаху от него и путь ему даяху и погна их к разрушенному месту“ (22—23, ср. 452).

чение может быть отнесено и на долю составителя повести, только что приведшего исполнившиеся предсказания Мефодия и Льва и выразившего надежду, что и остальные пророчества „свършятся имут“, и на долю того, кто сделал вставку из „Откровения“ Даниила.

Проведенное через весь текст сопоставление чтений хронографического текста и исхандеровского с достаточной определенностью указывает на их взаимоотношения:

1) ни тот, ни другой не представляют первоначального текста повести в его чистом виде;

2) текст хронографический получился путем сокращения текста более полного и более близкого к первоначальному;

3) текст Троицк. 773 полнее хронографического и в то же время более близок к первоначальному;

4) оба сравниваемые текста принадлежат к различным редакциям, независимо друг от друга восходящим к первоначальной.

IV

Для суждения о повести о взятии Царьграда турками как об источнике для истории взятия Константинополя, для определения ее места среди других иноязычных источников, касавшихся этого события, прежде всего следует напомнить, что в повести мы имеем записки современника и очевидца не в их подлинном виде, а в обработке (при том преследующей главным образом литературные цели) русского книжника, вероятнее всего, начала XVI века. Нам остается неизвестным, насколько этот книжник видоизменил фактическую сторону своего источника. Даже допустив, что он бережно отнесся к фактической стороне, мы в повести не можем признать сохранившимися вполне записки современника. Составитель повести, как это видно из послесловия Искандера, имел перед собой не первоначальные записки об осаде и взятии Константинополя, а только извлечение из них. Поэтому от повести мы не можем требовать в изложении событий осады безусловной последовательности и полноты сравнительно с тем, что происходило в действительности. Вероятно, факты мелкие или сочтенные сокращавшим записки неважными были при сокращении опущены. И действительно: даже приняв, что повесть воспроизвела полностью свой источник, мы видим, что она сравнительно с иноземными источниками, современными событию или близкими к нему по времени, не говорит о многих фактах, иногда довольно существенных с исторической точки зрения и отмеченных этими иноземными источниками. В ней, например, нет сведений о количестве войск Магомета, участвовавших в осаде, и количестве защитников города; о построении турками на Босфоре городка перед наступлением, имевшего важное стратегическое значение; о политике султана по отношению к братьям Константина, объясняющей, почему они не оказали помощь Константину (о чем говорится в повести); о положении Галаты во время осады, и др. Историческая ценность повести определяется сравнением сообщаемых ею известий с другими источниками, преимущественно современными, выяснением степени достоверности и точности сообщаемого ею в отдельных случаях, прежде всего сведений, общих у нее с другими источниками, затем сообщаемого ею сверх этих источников. Такой сравнительный анализ, произведенный историками (например, Срезневским, Стасюлевичем и др.), дал положительные результаты. Сведения, сообщаемые повестью, признаны заслуживающими доверия и в большинстве слу-

чаев достаточно точными. Только хронологические, цифровые выкладки, извлекаемые из повести, оказались далеко не соответствующими действительности и иноземным источникам. По подсчету историков на основании иноязычных источников осада и взятие Константинополя потребовали 57—59 дней, тогда как по повести осада и штурм города длились около шести месяцев.¹ Как могло случиться подобное расхождение в повести, основанной на показаниях очевидца, объяснить не легко. Попробуем сопоставить хронологическую сводку, даваемую иноязычными источниками,² и хронологическую схему, извлекаемую из повести. Сводка иноземных источников дает следующие даты: 4 апреля Магомет обложил город, 11 апреля произошел первый приступ и 18 апреля он был ликвидирован, с 7 мая начались частые приступы к городу, 29 мая произошел штурм города и взятие его, 30 мая Магомет вступил в город. В повести: месяц и число, когда появился и обложил город султан, не указаны; 1 декабря был первый приступ, 14 декабря — новый приступ, 21 декабря — новое движение турок к стенам города, 30 декабря — „второй“ большой приступ, 24 января — опять приступ, 6 мая — пролом в стене города, 21 мая — „знамение“ в св. Софии, 26 мая — бомбардировка и борьба у пролома, 27 мая — то же, 28 мая — то же, ночью с 28 мая на 29 — второе „знамение“, 29 мая — штурм и взятие города, затем несколько дней уличной борьбы в городе, 9 июня — въезд Магомета в город.

Таким образом, совпадение в повести оказывается только в последней дате — 28 мая, дне взятия города. Сюда же можно присоединить еще и 6—7 мая, когда началась усиленная бомбардировка, результатом которой был пролом в стене города, что имело решающее значение в последующей осаде и для самого штурма города. В этой схеме повести обращает на себя внимание то, что с этой же даты — 6 мая — в ней идет более или менее последовательное указание чисел отдельных эпизодов осады: 6, 21, 26, 27, 28, 29 мая, тогда как до этих пор, начиная с первого приступа, они отмечаются числами лишь изредка: 1 декабря, 14, 21, 30, 24 января и затем скачок прямо к 6 мая. На деле же этот большой отрезок времени (с декабря до начала мая — 5 месяцев) оказывается соответствующим двум с небольшим неделям (с 11 апреля по 6 мая — 16 дней) действительной осады (ее первой половины). Едва ли такое расхождение случайно: не имеем ли мы здесь дело со своего рода сознательным, произвольным распределением чисел, внесенным кем-то в рассказ на основании самого содержания повести? Обращает на себя внимание одно место повести, которое могло натолкнуть на подобное построение хронологии в первой половине повести для согласования хронологических выкладок с этим местом. После образования в стене пролома („полого места“) и отражения ворвавшихся было через пролом турок (это по повести произошло „наутрие 6 мая“, т. е. 7-го числа) царь держит военный совет о том, что предпринять дальше, после громадного урона в рядах защитников. Часть военачальников предлагает выйти с отборной дружиной ночью из города

¹ Это указание на длительность осады из повести перешло, повидимому, и в некоторые иные тексты, именно: в небольшое предисловие, резюмирующее содержание повести, иногда помещаемое перед самой повестью; в нем читаем: „А стоял [Магомет] под ним [Царьградом] 6 месяцев: декабрь, генварь, февраль, март, апрель, маия 29 день салтан взял Царьград“ (Увар. 954, л. 316; ГИМ 1388, л. 473).

² Для иноязычных источников достаточно ограничиться краткой схемой по К. Крумбахеру (K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. 2-те Auflage, München, 1897, стр. 1065—1067).

и напасть в тылу на турок: при успехе можно получить избавление, при неудаче погибнуть — всё равно где, в городе ли, или за городом. Но двое, кир Лука архидукс и епарх Николай, сперва молчат, а затем возражают: „Се уже пять месяцъ прошли, отнележе начахом битися с турки, просяще милости божиа, и аще будет воля его, еще можем и иныя пять месяцъ братися с ними; аще ли же не будет божие помощи, и тако сътворим, единым часом вси погибнем и град погубим“ (451). В конце концов это мнение взяло верх и от вылазки отказались. Из приведенных слов этих двух лиц вытекало, что до 7 мая (когда был военный совет) город уже пять месяцев выдерживал осаду, и вышло, что осада началась в первых числах декабря, может быть и 1 декабря; этот-то промежуток времени в пять месяцев и надо было заполнить, приурочивая отдельные моменты осады к тем или другим числам, как это имело место во второй половине повести. 14 декабря легко было проставить, раз осада началась 1 декабря, а первый приступ произошел через 13 дней, как указано в самой повести (446). Дальше провести такую работу было уже труднее; но в тексте повести и для нее можно было найти некоторую опору, именно в указаниях на промежутки между отдельными приступами. После неудачного для турок приступа 14-го числа на 7-й день Магомет двигает к стенам города новые войска, т. е. 21 декабря (447); названный вторым приступ (448) происходит по повести 30 декабря; следующий за ним приступ — через 25 дней, т. е. 24 января (449), когда турки, понеся громадный урон при взрыве, отошли от стен города, и султан стал колебаться, не снять ли ему осаду города. Эти колебания, во время которых имели место и неудачные для греков переговоры о мире, продолжались до 6 мая, когда бомбардировка возобновилась и образовалось „полое место“ в стене. Тут никаких опор для хронологических выкладок повесть не дала, сказано только: „Магмет многа дни съветовав, приложиша отступити от града“ (450). В этот промежуток времени, по мнению внесившего в повесть хронологию, никаких военных действий не происходило. Так, надо полагать, была сделана в повести попытка рассчитать время — 6—7 мая, когда начались более энергичные действия турок, приведшие к штурму 29 мая. С этого времени повесть не нуждалась в приспособлении своей хронологии к действительной. Если так можно себе объяснить своеобразие повести в ее первой половине сравнительно с устанавливаемой по иным источникам хронологией, то всё же объяснение это остается, конечно, только вероятным, так как оно покоится на заведомо неточном сообщении, вложенном повестью в уста кир Луки и епарха Николая, о пяти месяцах, протекших от начала осады до 6 мая, и хронология повести в этой ее части остается неприемлемой. Каким путем эта ошибочная хронология попала в повесть, решить трудно. Возможно только такое, и то лишь предположительное, объяснение: если сведения о том, что происходило в городе во время осады, собирались после взятия города, то естественно предположить, что сообщение о пяти месяцах осады до 6 мая, само по себе ошибочное, получено было составителем записок из вторых рук, так как Лука и Николай были казнены Магометом тотчас по взятии города. Кто же мог произвести эти неверные хронологические выкладки в повести? Тут может дать некоторые указания сопоставление исандеровского текста с хронографическим, который в первой половине расходится в этом пункте с исандеровским: в этом последнем до 6 мая таких, как в хронографическом (числа и месяцы), выкладок нет. Место о начале осады в них читается так:

Искандеровский

Он же [Магомел] безверен сый и лукав, посланники [царя] отосла, а град повеле бити пушками и пищальми [6].

Заглавие хронографического текста, в рукописи писанное киноварью и содержащее в себе дату, вставлено в текст (равно как и предыдущая фраза: „предивным. . . граду“): оно рассекло сплошную фразу (ср. в искандеровском) на части. Позднейшим изменением первоначального текста следует счесть также и дату, образованную из слов самого текста.

И тако творяху отбои [так!] до 13 дне. В 14-й же день турки. . . начаша сурны играти [8].

В 30-й же день по прьвом приступе паки прикатиша пушки [72].

Для того чтобы образовать заглавие, составитель хронографической повести перестроил фразу, читающуюся в искандеровской, и должен был изменить ее смысл: речь идет не о 30-м числе, а 30-м дне со времени первого приступа. В тех же целях произведена перестройка и в дальнейшем тексте.

Дню уже пре[и]спешу, егда видеша туркы башту делающих, вскоре пустиша на них изо многих пушек. . . вскоре наскачиша множество турок [37].

Повидимому, стремясь разбить текст на главы и решив сделать это при помощи хронологических выкладок, составитель хронографического текста построил свою хронологическую схему и внес ее в старший текст, который (судя по искандеровскому) деления на главы (рубрики) не имел, пожертвовав при этом и цельностью и сохранностью своего оригинала. Если такое объяснение в данном случае подходит, то отсюда следует вывод: хронологические вехи в том виде, в каком мы видим их в первой части хронографического текста, явились впервые только в этом тексте и были чужды первоначальному тексту повести. В то же время следует допустить, что в первоначальной редакции повести или, может быть, правильнее, в той ее редакции, к которой восходит и искандеровский и хронографический тексты, были уже цифровые указания на промежутки между отдельными моментами осады: эти указания налицо в искандеровском тексте, и на таких упоминаниях построена хронологическая схема хронографического текста. Были ли эти цифровые указания промежутков в первоначальном тексте повести, остается неизвестным, раз мы располагаем только двумя редакциями, старшей и младшей, этого недоступного нам теперь первоначального текста; мы можем представить себе только ту старшую редакцию, от которой пошли доступные нам тексты, и исходить из нее в оценке хронологической канвы повести. Как бы мы не объясняли эти указания, всё же данные повести окажутся в противоречии с другими источниками. В самом деле: повесть сообщает, что первый приступ произошел через 13 дней после начала осады, на 30-й день после этого турки начали стрелять из „большой“ пушки, и произошла самая кровопролитная битва (греки, по словам повести, потеряли 5700 уби-

Хронографический

Он же, окаанный и безверен сый и лукав, посланники отосла безделны, а сам предивным ополчением и страшным движением по суши и по морю приступив к Царствующему граду Месяца декабря Пръвый приступ и повеле бити пушками и пищальми [446].

И тако творяху бои тринадесять дней. В 14 день. Турки же. . . начаша в сурны играти [446].

В 30-й же день приступ. По первом приступе паки прикатиша пушки [448].

В 28 маиа. Видевша турки башту делающих, вскоре наскочиша множество их [455].

тыми и ранеными, турки — 35 тысяч убитыми); на 9-й день после этого турки возобновили нападение; через 25 дней после этого произошел взрыв подкопов, устроенных греками. Так было до 6 мая, когда туркам удалось сделать пролом в стене. Подсчитав эти цифры, мы получим, что до 6 мая, когда был сделан пролом, от начала осады прошло 89 дней, а прибавив сюда еще 24 дня — с 6 по 29 мая — до взятия города, получим, что осада длилась 113 дней, а не 57—59, как выходит по иноязычным источникам. Стало быть, и с этой стороны хронология повести доверия не внушает: в ней несомненно есть ошибки, неточности. Где и когда произошли эти ошибки и неточности, мы не можем определить.

Указываются исследователями и другие — на этот раз менее важные — недочеты повести (каковы, например, сведения о количестве павших с той и другой стороны, об имени тогдашнего патриарха, о жене Константина и т. п.). Но все эти недочеты повести, сохранившей свидетельства современника, притом близкого к самому месту событий, не лишают повесть значения важного исторического источника для изучения взятия Константинополя в 1453 году. Ценность ее заключается главным образом в сообщениях о самых перипетиях борьбы, отдельных моментах, в том, что она не только подтверждает, но и дополняет многие известия, сообщаемые иноземными источниками. В этом отношении повесть приходится сопоставлять прежде всего с записками Г. Франтцы,¹ не только современника, но отчасти и участника самих событий: он пережил осаду в городе, уцелел при взятии города и на старости лет по просьбе окружающих написал то, что знал и помнил об этом горестном для греков событии.² Таким образом, Франтца принадлежал к кругу тех лиц, от которых Нестор Искандер, попавший в Константинополь с турками после его взятия, мог собирать свои сведения о том, что происходило в городе во время осады. Но едва ли Франтца непосредственно сообщал Нестору эти сведения, хотя оба они часто говорят об одном и том же и в общем одно и то же, но с различными деталями, с различной обстоятельностью. Это объясняется скорее всего различием в положении того и другого мемуариста.

Искандер, находясь в турецком лагере, был лучше Франтцы осведомлен о том, что происходило там, мог многое не только слышать, но и видеть, а о константинопольских делах он мог только из чужих уст и некоторое время спустя собрать, хотя и очень внимательно, сведения для своих записок.

Франтца, сам многое видевший и, кроме того, имевший также возможность получить сведения о константинопольских делах от других по свежим следам, хуже Искандера был осведомлен в турецких делах.

Кроме того, задачи того и другого были различны. Политик Франтца поставил себе целью изложить историю падения Византии, где самая

¹ Сочинение Франтцы под заглавием „Хроника Протогестария Георгия Франтцы“ помещено в „Corpus scriptorum historiae Byzantinae“, изданном Б. Г. Нибуром в Бонне, в 1838 году.

² Франтца не мог уехать из Константинополя, когда к нему подступал Магомет, по взятии города был в турецком плену, выкупился и постригся в монахи около 1462 года на о. Корфу, где и описал то, „что видал собственными глазами или слышал, или читал“ (там же, стр. 453). Когда он писал свою „Историю“, ему было 85 лет. В изложении своем он — политик определенного направления: ревностный защитник православия, враг унии, поэтому недолюбливает „латинян“ (сторонников унии) и своей вражды к ним не скрывает. В этом отношении он не мог быть вполне объективным историком. Данные о Франтце заимствуются мною из книги М. Стасюлевича „Осада и взятие Византии“ (СПб., 1853). Осаде и взятию Константинополя в „Истории“ Франтцы посвящена главным образом третья книга.

осада и взятие Константинополя были лишь одним, хотя и крупным, эпизодом этой истории. Искандер ограничил свою задачу изложением, почти исключительно фактическим, военных событий осады и взятия Константинополя. Поэтому и самый подбор сведений у них не одинаков. Но это обстоятельство, разумеется, не могло отразиться на достоверности даваемых ими сообщений, чем и объясняется отсутствие резких расхождений в случаях, когда им приходится говорить об одном и том же: разница могла оказаться в деталях. В результате, сообщения Франтцы в общем обстоятельнее, нежели у Искандера, о константинопольских делах, а у последнего — обстоятельнее о делах турецких. В таком соотношении можно убедиться из сопоставления нескольких аналогичных сообщений у того и другого. Так, например, обстоит дело с Джованни Джустиньяни: появление его с кораблями и войсками в Царьграде несомненно было выдающимся событием времени осады, оказавшим заметное влияние на самый ход борьбы; о нем одинаково и с симпатией говорят и Франтца, и Искандер, но Франтца говорит, что Джустиньяни покинул свое место на стенах города, будучи ранен стрелой в бедро правой ноги; по Искандеру же в первый раз он был ранен в грудь каменным ядром, после чего вернулся в строй, и вторично — в плечо, после чего был унесен своими соратниками франками (30, 32). О дальнейшей судьбе Джустиньяни повесть не рассказывает, а Франтца сообщает, что Джустиньяни, несмотря на просьбу царя, удалился в Галату, где и умер.¹

Небезынтересно сопоставление сведений того и другого о смерти царя Константина. О последних минутах жизни царя повесть знает только то, что он погиб в Золотых воротах, не будучи в состоянии пробраться сквозь массу трупов, загромождавших ворота. Далее сообщается о том, как какой-то сербин принес к султану голову царя, как султан, пожалев о гибели царя, передал ее патриарху,² наконец, сообщено: „От иных же тако слышахом, яко оставшей от сущих со царем у Златых врат, украдоша его тоа нощи и отнесоша его в Галату и сохраниша“ (459). Франтца же подробно рассказывает о судьбе тела царя, не останавливаясь на обстоятельствах гибели царя. По взятии города и исчезновении царя распространились разные слухи: одни говорили, что царь бежал, другие, что он скрывается в городе, третьи, что он погиб в битве. Султан приказывает произвести розыски, и среди обезглавленных трупов опознан был труп царя по золотым орнаментам на туфлях, какие имели обычаем носить греческие цари. Султан передает труп христианам, которые и погребают тело с почестями. Ясно, что оба в своих сообщениях исходят из различных устных рассказов, вероятно, в большом числе циркулировавших в Константинополе вскоре по его взятии. Вероятно, Франтца был лучше Искандера осведомлен о таком видном человеке, как кир Лука (Нотарь). Искандер мог сообщить о нем только то, что он был казнен за содействие бегству царицы из Константинополя (40). Франтца рассказывает о нем подробно, но иное: желая спасти себя, Лука предоставил Магомету громадные (в том числе, вероятно, и царские) сокровища, но тщетно.

¹ „Иной перевод“ о судьбе Джустиньяни сообщает, согласно с Франтцем, с небольшой подробностью: „Иустишнян же в Галате граде бив и отуду на Хи остров отпав, тамо или от язвы или от труда в недуг впад, себе беславию жизни разрешив. В истину блажен бы бив, аще бы в самех стенах византийских дух отдал“ (А. Попов. Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 90).

² Патриарх же якобы спрятал ее под престолом в св. Софии — сообщение сомнительное: св. София была уже во власти турок.

Султан, упрекнув его в том, что он не употребил этих сокровищ на защиту города и царя, приказывает его казнить, предварительно убив на его глазах двух его сыновей. Повидимому, Франтца, близкий к высшим политическим сферам, заслуживает в данном случае доверия. Впрочем, сообщение Искандера не противоречит ему: Лука, привлеченный к ответственности за бегство царицы, мог надеяться откупиться своими сокровищами.¹ Если в данном случае можно отдавать преимущество сообщению Франтцы, то в следующем случае это преимущество должно принадлежать Искандеру. При осаде города, по свидетельству современников, большую роль играла сильная артиллерия Магомета, в частности, обратила на себя внимание огромная пушка, которая и должна была разрушить славившиеся своей высотой и крепостью стены Константинополя; об этой пушке вспоминают современники,² говорят о ней и Франтца, и Искандер. Франтца, сидевший в городе, мог о ней сообщить немного. Эта большая пушка при выстреле лопнула и разлетелась на части, причем погибло много артиллеристов, ее обслуживавших. Султан был огорчен неудачей и приказал отлить новую, покрепче. Искандер (находившийся в то время еще в турецком лагере) дает ряд подробностей, которых не записал или не знал Франтца. Сообщив о том, что у турок было две большие пушки, отлитых здесь же, в турецком стане, он далее говорит только об одной большой пушке. Первыми двумя выстрелами из нее была расшатаана стена и сбито сажень пять стены. На следующее утро выстрелом из этой пушки сшиблено было семь зубцов стены, после чего, однако, удачным выстрелом из пушки Зустунья разбит был зелейник большой пушки, что привело в ярость Магомета, и он приказал ее починить. Через 25 дней из пушки, стянутой железными обручами, попробовали выстрелить, но пушку разорвало, и султан приказал отлить новую пушку. Эта новая пушка и довершила разрушение стены (12, 16, 19).

Из приведенных для примера сопоставлений можно заключать, что Искандер не зависит от Франтцы в „константинопольской“ части своих записок (пользуясь рассказами жителей Царьграда иначе, нежели Франтца), а тем более в „турецкой“ части записок. Если сведения этих авторов совпадали преимущественно в том, что касалось городских событий, то объясняется это общностью источников — тех рассказов, которые циркулировали в городе после взятия. Ценность сведений, сообщаемых повестью, заключается в том, что Искандер, хотя и по чужим рассказам, поставив задачу описать самую борьбу греков и турок за Константинополь, дает особенно много подробностей этой борьбы, дополняя тем Франтцу, который имел более общую задачу — изложить историю последних лет существования греческого царства и падения его — и не находил нужным уделять так много внимания военным, подчас незначительным эпизодам борьбы. Конечно, и сведения, сообщаемые Искандером, могут быть приняты только после их проверки другими источниками. В этом отношении сопоставление с записками Франтцы говорит за то, что эту проверку повесть может выдержать с успехом.

¹ Интересно, что „Иной перевод“ подтверждает отчасти подробность о сыновьях Луки: в числе убитых по приказу султана и князей был и „господин Лука, ему же власть была велика у самодержца: убиену бывшу пред очима его болшему сыну, другому ж в незаконную потребу съхранену, секирою рассечеса. Того ж другия два сынове на брани падоша“ (А. Попов, ук. соч., стр. 91). Видимо, что-то подобное описанному у Франтцы, было и в действительности.

² Сохранилось даже имя инженера, отлившего эту пушку, — Урбан.

Приблизительно такое же, как к Франтце, даже, пожалуй, более выгодное место занимает Искандер и по отношению к Дуке.¹ Источник сведений для „константинопольских“ событий у Дуки в общем тот же, что у Искандера, т. е. устные рассказы. Разница только в том, что рассказы Дуки относятся к более позднему времени, нежели рассказы Искандера, собиравшего свои материалы по горячим следам событий;² у Дуки могли быть сведения, оставшиеся неизвестными или непринятыми Искандером, а сведения, даваемые Искандером, могли остаться неизвестными или ненужными Дуке, но о ряде событий говорят и тот, и другой. Например, о большой пушке Дука сообщает, что ее прежде испытали в Адрианополе (стало быть, отлита она была не под стенами Константинополя, как сообщает Искандер), рассказывает, как ее везли из Адрианополя. Рассказывает он и о неудавшейся попытке греков уничтожить турецкий флот, тогда как Искандер вообще почти ничего не говорит о морских силах борющихся. Но в то же время Дука говорит о Джустиньяни почти то же, что Искандер. Джустиньяни, указывает Дука, прибыл с двумя кораблями, военными снарядами и храбрыми генуэзскими юношами, был весьма искусен в воинских делах, император осыпал его милостями и поручил ему защиту стен против дворца. Несколько иначе, нежели Искандер, Дука рассказывает о неудавшихся переговорах о мире после взрыва: султан в ответ на предложение царя о мире со своей стороны предлагает сдать город и со всем двором удалиться, куда угодно; царь настаивает на восстановлении прежде заключенного (видимо, еще Амуратом) мира. Сходно с Искандером излагается Дукой также начало борьбы между греками и турками: греки, выезжая из обложенного уже города, устраивали стычки с турками, иногда удачные, но в общем безрезультатные, так как на одного грека приходилось до 20 турок; поэтому решено было больше из города не выходить, а сражаться со стен города, пользуясь различными орудиями против нападающих. В общем, мы видим, что круг источников Дуки немногим отличался от того, из которого черпал сведения Искандер.

В результате сопоставления сведений, даваемых повестью, поскольку это касается фактов крупных и мелких, с иноземными источниками убеждаемся, что наша пространная повесть, хотя и произведение не первоначальное по отношению к запискам Искандера, в смысле точности и правдивости может быть поставлена в один ряд с записями ближайших современников,³ а своими дополнениями сравнительно с этими записями расширяет наши исторические материалы для изучения осады и взятия Константинополя.

¹ Его сочинение под заглавием „Византийская история Дуки, внука Михаила Дуки“ находится в том же самом Боннском издании, в котором напечатано сочинение Франтцы.

² Дука во время самой осады в Константинополе не был, но вскоре после окончания военных действий стал собирать сведения о происшедшем. По своему направлению он принадлежал к сторонникам унии, потому религиозной (в то же время политической на этой почве) борьбе, происходившей перед осадой и во время нее в Константинополе, он отводит довольно много места в своих записках. Самой осаде и взятию города у него посвящены главным образом главы 34—39.

³ Сопоставление повести Искандера со сведениями, сообщаемыми Дукой, Франтцей и Леонардом Хиосским, уже было сделано И. И. Срезневским; результаты его наблюдений, касающихся исторической ценности повести, совпадают с полученными мной.